

УДК 130.2

В. И. Каширин

Valeriy I. Kashirin

ГУМАНИТАРНАЯ КРИЗИСОЛОГИЯ: ИСТОКИ И СПЕЦИФИКА

HUMANITARIAN KRIZISOLOGIYA: ORIGINS AND SPECIFICITY

Ветвление глобального экономического кризиса по горизонтали «современности» и по вертикали «повседневности» создает необходимость превращения кризисологии из экономической и исторической науки в гуманитарную метафизику и философию социальных наук. Для «ответа» на этот «вызов» требуется прорыв в методологии на основе диалектико-триалектической парадигмы культуры времени и культурно-временного подхода. В статье показано, что в российской науке и философии созданы теоретические предпосылки становления гуманитарной кризисологии.

Global economic crisis «branching» across of the «present days» and down of «daily occurrence» creates a need of transformation of the crisisology from economic and cycle-historical science in a humanitarian metatheory and social sciences philosophy. «Answer» to this «call» requires a break in the methodology on the basis of a dialectical and trialectical paradigm of the time culture and the cultural and time approach. In the Russian science and philosophy theoretical prerequisites of the humanitarian crisisology formation are created.

Ключевые слова: «ветвление» экономического кризиса, «аффицированный» кризис, деформация опыта, кризисное сознание, культура времени, диалектико-триалектическая парадигма.

Key words: global economic crisis «branching», «afficere» crisis, experience deformation, crisis consciousness, time culture, dialectical and trialectical paradigm.

Каширин Валерий Иванович

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института повышения квалификации Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь)
e-mail: okashirina@mail.ru

Kashirin Valeriy I.

Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Leading researcher of Institute for Continuing Education, North Caucasian Federal University (Stavropol)
e-mail: okashirina@mail.ru

Актуальность и востребованность гуманитарной кризисологии

Актуальность гуманитарной кризисологии как метатеории и философии социальных наук отчетливо прослеживается в том, что ядро глобалистской и российской кризисной проблематики перемещается из финансово-экономической в политическую, социальную, духовную, культурно-психологическую сферы, которые включают мировоззрение, мышление, творчество. Идет процесс «ветвления» глобального экономического кризиса. Именно этот процесс, на наш взгляд, является сущностной характеристикой, определяющей его «затяжной» характер во времени (с 2008 г.) и колоссальные «гуманитарные» последствия в глобальном пространстве, и отдельных его частях: ЕС, АТС, БРИКС, а также в России, Китае, Украине, Греции и других регионах мира. Становится все очевиднее, что глобальное геоэкономическое пространство, созданное США с помощью крупных монополий и долларового господства, превращается в «лоскутное одеяло», прикрывающее их бессилие отчаянными военными и информационными агрессиями. Процесс «ветвления», таким образом, все рельефнее выделяет пространственную горизонталь современности – «расползания» кризисных явлений в мир-системе, с одной стороны, и векторно-временную, духовно-нравственную вертикаль повседневности – хаотического смещения прошлого и будущего в настоящем, с другой.

Но как же отделить в этом процессе плохо уловимый «шум леса», который иногда называют объективными условиями, а иногда субъективной информационной средой, от реальных социальных процессов, которые часто связаны с губительными «гуманитарными» последствиями «ветвления» глобального кризиса, а еще чаще с «роевым» сознанием и поведением масс, их «восстанием», как «арабская весна» 2011 г. или «украинская осень» 2013 г. с ее «оранжевым ренессансом»?

На эти вопросы могут дать ответы лишь философские и гуманитарные науки. Они должны иметь надежный, выверенный методологический инструментарий, без которого нельзя ни анализировать настоящее, ни прогнозировать будущее. Все более востребованной становится универсальная метатеория глобальных кризисов, которая, могла бы объединить усилия современных кризисологов и обосновать новые прогнозы, с учетом специфики происходящего. Однако такой метатеории, к сожалению, до сих пор нет, хотя ее предпосылки имеются в экономической и цикло-исторической теории кризисов.

Предпосылки гуманитарной кризисологии формировались в процессе осмысления глобальных проблем на рубеже 70–80-х гг. XX в., когда представители всех областей знания и политики стали высказывать озабоченность кризисом современной цивилизации, угрожающим самому существованию человечества. На эту опасность обратила внимание и неформальная организация Римский клуб, представленный крупнейшими мировыми учеными, которые в своих докладах наметили подходы к моделированию глобальных проблем и смягчению их последствий.

В российской науке и философии созданы теоретические основы становления гуманитарной кризисологии. Одним из первых обобщающих трудов был сборник «Глобальный кризис западной цивилизации и Россия» под редакцией академика Г. В. Осипова. Впервые эта книга вышла в 2000 г., затем переиздана 2008 и 2009 г. Многие концептуальные статьи сборника были подготовлены выдающимися российскими учеными – академиками Н. Н. Моисеевым, Д. С. Львовым, В. А. Коптюгом, Д. В. Раушенбахом – и стали своеобразным научным завещанием для следующих поколений ученых.

В сборнике анализировались семь главных признаков глобального кризиса мировой цивилизации, «семь ударов по планете»: 1) способность к «экологическому самоубийству», 2) возможность «ядерного самоубийства», 3) надвигающийся демографический кризис, 4) глубокая трансформация основ мировой экономической системы, 5) кризис советского и некоторых других форм социализма, сделавший «невозможным реальное воплощение идеалов справедливости, труда и добра в нашем веке», 6) нравственный кризис – рост преступности, алкоголизма, наркомании, распространения СПИДа, гомосексуального промискуитета, феномен «семьи с одним родителем», 7) деидеологизация общества, «идеалы заземляются, растет аморализм и бездуховность и личности, и целых слоев общества». Как видно, все семь признаков глобального кризиса рассматриваются с точки зрения их антиобщественных и антиличностных последствий, без учета положительных аспектов.

В мировую сокровищницу внесены имена выдающихся российских гуманитарных аналитиков и прогнозистов современности, которые закладывали фундамент аналитической метанауки. К ним относится, например, Н. Н. Моисеев (1917–2000) [1]. Свой вклад в развитие современной теории кризисов внесли известные прогнозисты И. В. Бестужев-Лада [2], А. И. Неклесса [3] и др.

Вместе с тем проблемы современного глобального и российского кризисов рассматриваются в основном лишь в экономическом ключе, да и то некоторые из трудов излишне политически заангажированы. Например, в книге под редакцией Е. Т. Гайдара [4], по-существу, оправдывается либерально-радикальная политика реформаторов 1990-х гг., развалившая все лучшее, что осталось от советской экономики и нанеся колоссальный урон России – в два раза больший, чем во время Второй мировой войны [5].

Однако в статьях и немногочисленных монографиях, несмотря на обилие фактического материала, методологические проблемы отражены слабо. Можно назвать лишь несколько работ, в которых поднимаются методологические вопросы теории кризисов. К ним относятся труды А. П. Назаретяна [6], Л. В. Скворцова [7], А. В. Бузгалина [8] и некоторых других исследователей. Между тем, методология – это первое, на что может быть нацелена новая гуманитарная кризисология, чтобы стать метанаукой и философией социальных наук. Особенно это важно для ее преподавания в вузах.

Впервые учебник для студентов вузов о методологии современного политического прогнозирования написал А. С. Панарин (1940–2003), в котором

обосновал необходимость синергетической парадигмы в синтетических прогнозных моделях: Восток–Запад, Север–Юг, Запад–Азиатско-тихоокеанский регион, а также доминантный прогностический сценарий (проблему выбора) – Суша и Море как соперничающие мироустроительные модели в прогностике; сценарий восстановления прерогатив Континента с помощью Духовной вертикали как противоядия от конфликта цивилизаций [9].

Однако специфический процесс «ветвления» глобального экономического кризиса, впервые происходящий на всех «этажах» общественного сознания – и современности, и повседневности, делает свой «вызов» философии и гуманитарным наукам. Этот вызов интерпретируется как требование исторического времени сделать прорыв в теории, методологии и методике изучения современных докризисных, конфликтно-кризисных и посткризисных пространственно-временных ситуаций (ПВС), рассматривая их как деформацию глубинных причинно-следственных связей, с помощью гуманитарной метатеории и философии социальных наук.

Специфика «ветвления» кризиса в России, на наш взгляд, заключается в том, что он имеет «каскадную» структуру, включающую и серию социальных катастроф, связанных с развалом СССР, и неутешительные итоги экономических реформ 90-х гг., приведшие нас к примитивизации и архаизации экономики, которая стала и рыночной, и одновременно асоциальной. Эта структура характеризуется исследователями как состояние неподготовленности к вызовам исторического времени, что касается не только самих левых сил, но и их оторванности от своей социальной базы. В силу этого из поля зрения левых сил и гражданского общества выпал процесс формирования новой общественной силы, способной возглавить и произвести модернизационный прорыв в России, – креативного класса [10].

Становится все более очевидным, что те парадигмы и тот набор категорий, которые используются сейчас, плохо подходят к описанию нового глобального мира. Для исследования новой реальности, необходим обновленный диалектический метод, его новые трактовки.

«Аффицированный» кризис: И. Кант против марксизма

Тот факт, что гуманитарные науки и философия рассматривают кризисы как явления осознанные в качестве проблем [11, с. 459], отрефлексированные, «вызов» которых задевает нас, «аффицирует» (И. Кант), свидетельствует о том, что кризисы являются продуктом самосознания цивилизационного субъекта, существующим в информационном поле культуры [12]. Означает ли это, что в условиях глобальных трансформаций только цивилизационный субъект, обладающий рефлексией (сознанием), двойной рефлексией (самосознанием) и полирефлексией (культурой самосознания), может обеспечить аутентичность интерпретации «вызовов» времени и адекватность «ответов» на них, придать кризисам глобально-цивилизационный смысл? И можно ли считать,

что отсутствие подобной сложной рефлексии является свидетельством тому, что личность или коллектив не способны решать проблемы, задевающие их, проявлять творчество в смягчении или ликвидации конфликтно-кризисных ПВС и осознавать постоянно существующие угрозы смысловой какофонии, иллюзорного бытия, социальных обманов и имитаций, как на уровне повседневности, так и на уровне современности? Вопросы эти неспроста и не простые. Ответы на них и должна дать зарождающаяся метатеория и философия социальных наук – гуманитарная кризисология.

В этой связи представляет интерес концепция методологии социальных наук как метатеории, выдвинутая Ю. А. Кимелевым. Он предлагает, помимо специфических проблем каждой из социально-гуманитарных наук, признать необходимость их ориентации на основные тематические направления мета-теоретической мысли, определенной сквозной тематики в философской метатеории социальных наук и в собственной методологии этих наук. Он формулирует три основные направления подобной ориентации наук: прояснить общий характер социальной реальности как объектно-предметной сферы; определить какой метод позволяет наиболее адекватным образом постичь функционирование социального мира; прояснить, что обеспечивает правомерность притязаний на теоретическое знание [13, с. 5–6]. Гуманитарная кризисология, на наш взгляд, должна стать подобной метатеорией. Однако, помимо сквозной тематики социальных наук и собственной методологии этих наук, нужна еще и общая новая методология новой метатеории.

На наш взгляд, пути поиска такой методологии лежат в русле рассмотрения противоречий между теорией аффицирования И. Канта, с одной стороны, и диалектическим материализмом К. Маркса и Ф. Энгельса, с другой. Дело в том, что диалектическая философия, к сожалению, не разграничивает кризисные явления в социальных макро- и микроструктурах. Эти два вида кризисов в ней называются одним термином – «диалектическое противоречие». И эта традиция, применяемая в марксизме, идет от трактовки положений Гегеля и использования их без учета специфики противоречий в информационном поле культуры. Соединив идеалистическую диалектику Гегеля с материализмом, К. Маркс и Ф. Энгельс получили диалектический материализм. По этому поводу В. И. Вернадский в свое время отмечал: «В отличие от других форм материализма, с которым он находится в коренном несогласии, диалектический материализм теснейшим образом связан в своем генезисе и в основе своих суждений с идеализмом в его гегелевской форме. Далеко не ясно, возможно ли считать свободным от влияния такой его истории, относить его всецело к философским течениям материализма, а не идеализма... Это была форма посмертного влияния работ Маркса и Энгельса, основанная на вере – официально, а не философски, или научно и т. д.» [14, с. 248–249].

В «Дневниках» за период 1935–1941 гг., вышедших в свет в 2006 г., В. И. Вернадский писал: «Еще раз пересмотрел «Диалектику природы» Энгельса, остается прежнее впечатление: черновые тетрадки, *alterlimlich*. Есть

кое-что интересное – но в общем в XX в. класть в основу мышления, особенно научного, такую «книгу» – совершенное сумасшествие. Люди закрывают глаза на окружающее и живут в своем мирке. Сами подрывают свою работу» [15, с. 267].

Однако, в настоящее время диалектический материализм реактуализируется, возрождается его значение для создания новой теории кризисов как метанауки и философии социальных наук. Поэтому мы разделяем идею А. В. Бузгалина о необходимости реактуализации диалектики в мире глобальных трансформаций и его гипотезу «исторической ограниченности поля (пространства и времени) применения классической (гегелевско-марксовской) диалектики как адекватной **par excellence для исследования именно эпохи отчуждения**». Только применять ее надо, подобно космической ракете, которая «обеспечивает преодоление земного притяжения и выход за пределы Земли, но не годится для путешествия в соседний супермаркет». Он, таким образом, ставит проблему универсальности самого диалектического метода и отвечает: «диалектический метод вообще нельзя использовать как догму: он требует творческого развития и модификации в соответствии с природой используемого объекта в каждом конкретном случае его применения... Для исследования новой, в историческом смысле только рождающейся реальности, необходим обновленный диалектический метод». К таким новым реальностям он относит: а) мир со-творчества (креатосферу), б) мир сетевых структур и в) мир «заката» старых социальных систем [16]. К последнему можно отнести пореформенную Россию, в которой социальная архаизация диктует поиск новых путей модернизации.

Одновременно существует мнение, что для изучения живых систем, в том числе социальных, надо применять триалектическую парадигму мышления. Так, О. А. Музыка и В. В. Попов пишут: «Глобальный эволюционизм вместе с глобалистикой поставили под сомнение универсальность диалектической парадигмы мышления, доказали ее недостаточность и необходимость применения триалектической парадигмы к живым системам, в том числе социальным» [17, с. 177].

Однако наиболее убедительным мы считаем обоснование необходимости модификации диалектического метода в диалектико-триалектическую парадигму для макро- и микрокультурных систем. О необходимости применения диалектико-триалектической парадигмы к анализу сложных социальных системы мы писали ранее [18, с. 7–18].

Итак, для новой современной теории кризисов очень важны не столько положения Г. Гегеля (1770–1831), прочитавшего в учении И. Канта (1724–1804) идеалистические выводы об антиномистичности (раздвоении) разума в противоречиях, сколько теория И. Канта об аффицировании (*afficere* – причинять) – способности предмета воздействовать на органы чувств (материалистический момент в кантианстве) [19, с. 127]. Ведь кризис осознается нами как деформация опыта лишь в том случае, когда он нас «задевает», аффицирует.

Таким образом, применительно к социальной материи можно было идти не от Гегеля, а еще раньше – от материализма И. Канта, его теории аффицирования, которое по существу является, как бы мы сказали сегодня, «информационным аффицированием». И тогда отпадают многие вопросы о воздействии информационного поля (объективной виртуальной реальности и субститута действительной реальности), а главное решаются вопросы о «разделении» кризиса как структуры-состояния сознания (конститутивного состояния), и о «распознавании» как диагнозе кризисного процесса.

Иначе говоря, в информационном поле культуры аффицирование происходит по двум направлениям: 1) по вектору трансценденции, в которой виртуальная реальность выступает в качестве субститута (заместителя) действительности и в результате которого появляются структуры-состояния сознания (конститутивные состояния) – докризисные, конфликтно-кризисные и посткризисные; 2) по вектору объективизации виртуальной реальности, в результате которой появляется «реальная виртуальность» (М. Кастельс) – процессы распознавания (диагноза времени), способствующие как позитивному сглаживанию конфликтно-кризисных ПВС и конструктивному прорыву, так и эскалации агрессии.

Кризисное сознание и агрессия

Следует сразу уточнить операциональные интерпретации краеугольных понятий: «сознание» и «кризисное сознание». Было бы наивным утверждать, что разница между ними заключена в степени «непроясненности» сознания, потому что с точки зрения философии существует реальная онтологическая непроясненность как характеристика сознания, которая не создает вакуума в индивидуальном сознании. «Непроясненность – это необходимое и достаточное условие, чтобы быть в «игре», жить самому и давать жить другим» [20, с. 55].

Современные исследователи, в частности В. Молчанов [21], рассматривают «сознание как первичный опыт различений». Различение изучается как неагрессивное сознание, в отличие от синтеза и идентификации (распознавания). А деформации опыта, в том числе кризис и агрессия, – как нехватка различений. Иначе говоря, индивидуальное сознание, по своей природе, будучи непроясненным, не является агрессивным. Понятие агрессивности появляется вместе с понятием силы, в результате понятийного синтеза и деформации опыта в коллективном сознании. «Речь идет не о понятии силы и агрессивности, но о силе и агрессивности понятий...» [22]. Кризисное сознание и агрессия, как и информационные войны, разворачиваются в информационном поле культуры.

В нашем представлении, кризисное сознание как феномен культуры самосознания цивилизационных субъектов (личностей, социальных общностей любого масштаба, включая человечество в целом) представляет собой

единство триалектически связанных (взаимообусловленных и взаимодополняемых) структурных элементов: докризисных, конфликтно-кризисных и посткризисных. К сожалению, многие авторы, изучающие кризисные явления, традиционно не акцентируют внимание на опережающей функции сознания, которая обуславливает существование в информационном поле культуры этих элементов. В результате кризис рассматривается узко, лишь в своей конфликтно-кризисной фазе, приписывая ему функции разделения, пограничья – в качестве главных, а кризисное сознание – лишь как стадию деформации сознания в целом, не учитывая агрессивной специфики конфликтно-кризисной ПВС.

Например, В. Молчанов кризисное сознание относит к числу важнейших деформаций цивилизационного субъекта. Рассматривая кризис как конститутивное состояние, он отмечает: «В разделении (как кризисе) нет места различению переднего и заднего планов. Кризис – это, по-существу, граница как таковая, не признающая по-граничного... Кризис как разделение затмевает различие различений, вытесняет различие переднего плана и фона, уничтожает оттенки» [23, с. 449]. Такое суждение смело можно отнести к характеристике конфликтно-кризисной фазы кризисного сознания.

Иначе говоря, если фазы докризисного и посткризисного сознания общества или личности могут адекватно отражать происходящее, выделяя главные докризисные риски, угрозы, и посткризисные стабилизирующие и прогнозные перспективы, то конфликтно-кризисная фаза кризисного сознания, особенно «в пике» деформации, лишено способности правильно интерпретировать прошлое и формулировать адекватные прогнозы на будущее. «Оранжевый ренессанс» в Украине 2013–2014 гг., повторяющий в основном оранжевую революцию 2004 г., является хорошим свидетельством тому, как конфликтно-кризисное сознание потеряло ориентиры в современной пространственно-временной ситуации: что же важнее – войти в ЕС, или в таможенный союз с Россией, или навести порядок в собственном доме и сохранить целостность государства? Это и есть конфликтно-кризисный «пик» деформации сознания.

Далее, характеризуя кризисное (в нашей терминологии фактически конфликтно-кризисное) сознание, В. Молчанов выделяет еще три его черты: 1) деформацию отношений целого и его частей, поскольку объективно кризис означает угрозу целостности, а эта черта сознания характеризует процесс «ветвления» по горизонтали современности; 2) стремление любой ценой сохранить целостность: «Кризисное сознание – это вовсе не нигилистическое сознание разрушения или уничтожения. Скорее это попытка любой ценой удержать целостность, попытка, которая не находит своего основания в отношении частей и целого и во взаимном отношении частей» («ветвление» кризиса по духовно-кризисной вертикали повседневности) [23, с. 450]; 3) разрыв времен, «деформацию темпорального опыта, жесткое разделение между прошлым, настоящим и будущим»; эта черта деформации сознания, по нашему мнению характеризует степень аффицирования сознания.

Таким образом, кризисное сознание, находясь в докризисной фазе и осознавая это (опережающая функция самосознания – социального или личностного), приобретает черты конфликтно-кризисного сознания под влиянием процесса «ветвления» глобального экономического кризиса по горизонтали современности, и по вертикали повседневности, а главное – по вектору аффицирования, степень интенсивности которого и определяет «разрыв времен», что является по нашему мнению, индикатором глубины духовного кризиса цивилизационных субъектов.

Однако указанные черты характеризуют конфликтно-кризисное сознание лишь как структуру-состояние, которая может выступать и как имитационная система «ложных идентификаций и синтезов». За счет чего же возникает подобная имитационная система? В. Молчанов отвечает: за счет «нехватки различений». Именно этот недостаток информационного аффицирования и сближает кризисное сознание с агрессивным: «Как и кризисное, агрессивное сознание характеризуется прежде всего нехваткой различений. Объективный смысл агрессии – вторжение с целью превратить «объект агрессии» в самостоятельную часть, «подчинить своей воле». Конститутивно агрессия связана с избытком сил – не с соизмерением своих сил с силами противника, но именно с «ощущением» такого избытка... Агрессия всегда стремится присвоить и объединить; это избыток сил единения» [23, с. 451].

Итак, агрессия проявляется в двух ипостасях: во-первых как феномен сознания, и во-вторых, как «действие, поведение, нацеленное на причинение ущерба (морального, физического и т. д. вплоть до полного уничтожения) другому существу или объекту» [24, с. 7].

Помимо агрессивности как тенденции к агрессии, в социологии различают также агрессию замещенную, защитную, инструментальную и ненаправленную. Понятие ненаправленной агрессии как враждебной настроенности или поведения, источник которых не осознается индивидом или группой и которые в силу этого не ориентированы на определенные объекты, и могут быть реализованы по отношению к любому объекту, используется и синергетиками. Например, излагая синергетический взгляд на смыслообразование как глобальную проблему современности, А. П. Назатерян связывает «сохранение раних представителей рода Ното с тем, что у них сформировался надприродный блокатор агрессии, обусловленный некрофобией» [25, с. 6]. Таким блокатором агрессии стала духовная и материальная культура, гарантирующая устойчивость человека и общества. А. П. Назатерян дает синергетическое определение кризиса как «фазы опасного снижения устойчивости, когда в силу изменения внешних или внутренних условий наработанные ранее шаблоны антиэнтропийной активности оборачиваются противоположными эффектами – опасностью катастрофического роста энтропии... За кризисом следует либо катастрофическая фаза – разрушение системы, либо смена среды обитания, либо обновление антиэнтропийных механизмов» [25, с. 4].

Исходя из такого синергетического взгляда, можно предположить, а затем доказать, что наработка «шаблонов антиэнтропийной активности» относится к функциям гуманитарной кризисологии, однако лишь в части изучения докризисного и посткризисного сознания, а не конфликтно-кризисной его фазы, которая демонстрирует высшую степень деформации сознания.

Методологический потенциал гуманитарной кризисологии умножается за счет познания законов и принципов докризисного и посткризисного сознания, которые в условиях конфликтно-кризисных ситуаций отходят на второй план, но не теряют своих потенциальных возможностей. К ним мы относим следующие философские инструменты.

Закон «вызова» и «ответа». Его обосновал А. Тойнби (1889–1975). Он писал, что даже само возникновение цивилизации, так же как и ее дальнейший прогресс, определяется способностью людей дать адекватный «ответ» на «вызов» исторической ситуации, в которую входят не только человеческие, но и природные факторы. При этом «вызов» должен быть аутентично отражен и истолкован, а «ответ» адекватно мотивирован [26]. Развил эту теорию видный российский философ А. С. Панарин (1940–2003). Он разработал методологию философско-культурного априоризма, в котором вместо вопроса «какое будущее нас ожидает?» ставит вопрос «какое будущее мы спровоцировали?», и утверждает формулу «материя следует за духом и подчинена ему» (возможно она работает в условиях микропроцессов, в ПВС). Согласно А. С. Панарину и интерпретация вызова, и мотивация ответа – это творческий процесс формирования образов «вызова» и «ответа» (например, образов кризиса и его преодоления), создаваемых в настоящем при помощи культурно-смысловых значений прошлого (приоритеты преемственно-кумулятивного времени), или будущего (приоритеты реактивно-циклического времени) [27, с. 45].

Философское обсуждение методологии постижения этого закона сосредоточивается вокруг вопроса: какие феномены кризисного мышления способствуют не только объяснению, но и пониманию происходящих кризисных явлений? Такие феномены, по нашему мнению, могут быть принципы 1) качества цивилизационного смысла, 2) детекции цивилизационных ошибок и ловушек (диагноз докризисного, конфликтно-кризисного и посткризисного времени) и 3) системного единства внутренних, внешних и метавнешних факторов.

Принцип качества смысла. Смыслы происходящего адаптируются не только к актуальному сегодня – прошлому, но и к целесообразному завтра – будущему. Такая адаптация приводит к образованию квалита цивилизационного качества смысла. Л. В. Скворцов ввел понятие «сложность смысла» и определил атом качества определенного смысла – квалит [28, с. 238–239].

По нашему мнению, квалит выражает качественную тождественность цивилизационного смысла и происходящих событий. Наиважнейший элемент тождественности – триалектическая «связь времен», осуществляемая в происходящем. Изучается она при помощи методологии культуры времени.

Принцип детекции цивилизационных ошибок и ловушек» является одним из важнейших структурных компонентов кризисного сознания и кризисного цивилизационного творчества. Наш концепт культурно-временной детекции цивилизационных ошибок и ловушек (от лат. detector – раскрывающий, обнаруживающий) опирается на открытие Н. П. Бехтеревой (род. 1968) одного из важнейших мозговых механизмов – детектора ошибок. И, несмотря на то, что «в творчестве не может быть ошибок и предварительного ответа на творческую задачу не существует», все же связь между творчеством и детекцией ошибок может проявляться и в негативном, и позитивном [29]. Индикатором позитивного или негативного в цивилизационном со-творчестве служит диагноз времени.

Принцип системного единства внутренних, внешних и метавнешних факторов. Он обеспечивается триалектической (взаимодополняющейся и непротиворечивой) зависимостью, которая помогает избежать споров о первичности внутреннего или внешнего. Ведь они оба зависят от метавнешнего фактора, в качестве которого могут выступать как природные катаклизмы или военные ситуации, так и общая информационно-имиджевая среда, складывающаяся в данной пространственно-временной ситуации в мире, в том числе, в отношении к России. Возьмем для примера современную ситуацию замедления экономического роста в РФ. Россия стала непривлекательным местом для бизнеса. По рейтингу защиты прав инвесторов Всемирного экономического форума, Россия занимает 133 место из 148. Для того чтобы анализировать и стимулировать развитие этого показателя внутри России, Президент РФ В. В. Путин в 2013 г. создал специальное Национальное рейтинговое агентство инвестиционного климата в регионах России, которое разработает свою градацию учета показателей, в том числе внутреннего, внешнего и метавнешнего (мир- системного) характера.

Для гуманитарной кризисологии, становящейся метанаукой и философией социальных наук, важно обратиться к анализу взаимосвязи внешних и внутренних факторов при интегрирующей роли метавнешнего. Это изучается теорией и методологией культуры времени.

Продолжение в № 3 2014 г.

Литература

1. Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? – М., 1999.
2. Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование. – М., 2001.
3. Картография постсовременного мира / отв. редактор А. И. Неклесса. – М., 2002.
4. Кризисная экономика современной России: тенденции и перспективы / науч. ред. Е. Т. Гайдар. – М.: Проспект, 2010.

References

1. Moiseev N. N. Byt' ili ne byt'... chelovechestvu? – M., 1999.
2. Bestuzhev-Lada I. V. Sotsial'noe prognozirovanie. – M., 2001.
3. Kartografiia postsovremennogo mira / Otv. redaktor A. I. Neklessa. – M., 2002.
4. Krizisnaia ekonomika sovremennoi Rossii: tendentsii i perspektivy / Nauch. red. E. T. Gaidar. – M.: Prospekt, 2010.

5. *Примаков Е. М.* Россия в современном мире. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009.
6. *Назаретян А. П.* Смыслообразование как глобальная проблема современности // Вопросы философии. – 2009. – № 5.
7. *Скворцов Л. В.* Продромы поля современной геополитики // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 12 (246).
8. *Бузгалин А. В.* Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций // Вопросы философии. – 2009. – № 5.
9. *Панарин А. С.* Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм, 2000.
10. *Волков Ю. Г.* Креативный класс versus имитационных практик // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 1.
11. *Чумаков А. Н.* Кризис // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.-СПб.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.
12. *Каширин В. И., Каширина О. В.* Информационное поле культуры: информационный отбор – цивилизационный выбор. – М.: МАКС Пресс, 2008.
13. *Кимелев Ю. А.* Методология социальных наук (Современные дискуссии): аналитический обзор / РАН ИНИОН. – М., 2001.
14. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991.
15. *Вернадский В. И.* Дневники 1935–1941: в 2 кн. Кн. 1. – М.: Наука, 2006.
16. *Бузгалин А. В.* Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций // Вопросы философии. – 2009. – № 5.
17. *Музыка О. А., Попов В. В.* Время и социальная синергетика. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007.
18. *Каширин В. И.* Глобалистика и глобальный эволюционизм: новый парадигмальный фрейм. – Ставрополь: Изд-во СКГТУ, 2000.
19. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч.: в 3 т. Т. 3. – М., 1964.
20. *Скворцов Л. В.* Информационное поле культуры и цельное знание. – М.: ИНИОН РАН, 2001.
5. *Primakov E. M.* Rossiia v sovremennom mire. SPb: Izd-vo SPbGUP, 2009.
6. *Nazaretian A. P.* Smysloobrazovanie kak global'naia problema sovremennosti // Voprosy filosofii. – 2009. – № 5.
7. *Skvortsov L. V.* Prodromy polia sovremennoi geopolitiki // Rossiia i musul'manskii mir. – 2012. – № 12 (246).
8. *Buzgalin A. V.* Dialektika: reaktualizatsiia v mire global'nykh transformatsii // Voprosy filosofii. – 2009. – № 5.
9. *Panarin A. S.* Global'noe politicheskoe prognozirovanie. – M.: Algoritm, 2000.
10. *Volkov Yu. G.* Kreativnyi klass versus imitatsionnykh praktik // Gumanitarii Iuga Rossii. – 2012. – № 1.
11. *Chumakov A. N.* Krizis // Globalistika: Mezhdunarodnyi mezhdistsiplinarnyi entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red.: I.I. Mazur, A. N. Chumakov. – M.-SPb: ITs «ELIMA», ID «Piter», 2006.
12. *Kashirin V. I., Kashirina O. V.* Informatsionnoe pole kul'tury: informatsionnyi otbor – tsivilizatsionnyi vybor. Monografiia. – M.: MAKS Press, 2008.
13. *Kimelev Yu. A.* Metodologiiia sotsial'nykh nauk (Sovremennye diskussii): analiticheskii obzor / RAN INION. – M., 2001.
14. *Vernadskii V. I.* Nauchnaia mysl' kak planetnoe iavlenie. – M.: Nauk, 1991.
15. *Vernadskii V. I.* Dnevniki 1935–1941: v 2 kn. Kn. 1. M.: Nauka, 2006.
16. *Buzgalin A. V.* Dialektika: reaktualizatsiia v mire global'nykh transformatsii // Voprosy filosofii. – 2009. – № 5.
17. *Muzyka O. A., Popov V. V.* Vremia i sotsial'naia sinergetika. – Rostov n/D: Izd-vo IuFU, 2007.
18. *Kashirin V. I.* Globalistika i global'nyi evoliutsionizm: novyi paradigmat'nyi freim. – Stavropol: Izd-vo SKGTU, 2000.
19. *Kant I.* Kritika chistogo razuma // Kant I. Soch.: V 3 t. – T. 3. – M., 1964.
20. *Skvortsov L. V.* Informatsionnoe pole kul'tury i tsel'noe znanie. – M.: INION RAN, 2001.

21. Молчанов В. Исследования по феноменологии сознания. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007.
22. Каширин В. И., Кирсанов П. Ю. Новые краски «цветных революций»: «молекулярная буря» или «роевое состояние»? // Этнические проблемы современности. Вып. 16. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011.
23. Молчанов В. Исследования по феноменологии сознания. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007.
24. Социологический энциклопедический словарь. – М.: НОРМА, 1988.
25. Назатерян А. П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд // Вопросы философии. – 2009. – № 5.
26. Тойнби А. Постижение истории. – М.: Изд-во «Айрис-Пресс», 2010.
27. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм, 2000.
28. Скворцов Л. В. Информационная культура и цельное знание / РАН ИНИОН. – М., 2001.
29. Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. Раздел: Магия творчества. – М.: Астрель, СПб.: Сова, 2013.
21. Molchanov V. Issledovaniia po fenomenologii soznaniia. – M.: Izd. dom «Territoriia budushchego», 2007.
22. Kashirin V. I., Kirsanov P. Iu. Novye kraski «tsvetnykh revoliutsii»: «molekuliarnaia buria» ili «roevoe sostoianie»? // Etnicheskie problemy sovremennosti. Vyp. 16. Stavropol': Izd-vo SGU, 2011.
23. Molchanov V. Issledovaniia po fenomenologii soznaniia. – M.: Izd. dom «Territoriia budushchego», 2007.
24. Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar'. – M.: NORMA, 1988.
25. Nazaterian A. P. Smysloobrazovanie kak global'naiia problema sovremennosti: sinergeticheskii vzgliad // Voprosy filosofii. – 2009. – № 5.
26. Toynbi A. Postizhenie istorii. – M.: Izd-vo «Airis-Press», 2010.
27. Panarin A. S. Global'noe politicheskoe prognozirovanie. – M.: Algoritm, 2000.
28. Skvortsov L. V. Informatsionnaia kul'tura i tsel'noe znanie / RAN INION. – M., 2001.
29. Bekhtereva N. P. Magiia mozga i labirinty zhizni. Razdel: Magiia tvorchestva. – M.: Astrel', SPb.: Sova, 2013.